

Р.Н. ДОЖДИКОВА

ОБЫДЕННОЕ ПОЗНАНИЕ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Рассматриваются сущность и особенности обыденного познания. Дано определение понятия «обыденное познание» и описан процесс зарождения и «движения» обыденного знания. Делается вывод, что обыденное познание выступает в роли «контекста», «фона», условия и предпосылки научного познания.

The article considers the essence and special features of everyday cognition. It aims at defining the concept of «everyday cognition» and describing the process of the «birth» and development of everyday knowledge. The author comes to the conclusion that «everyday cognition» appears as the context, the background and condition for scientific knowledge.

Исследование процесса познания требует в качестве необходимого этапа анализа его «источков», оснований, «корней». Обыденное познание является своего рода первоисточником познания вообще. Несмотря на то что проблема обыденного познания достаточно широко обсуждается в философской литературе, тем не менее специфика этой составляющей познания затрагивается, как правило, фрагментарно, вне системного, целостного изучения данного вопроса. Актуальность данной проблемы состоит в необходимости детализации самого процесса зарождения нового знания, возникновения «зародышевых форм» научного познания и приемов генерации знания в недрах повседневной жизни для выяснения генезиса научного познания, выявления механизмов гениальных прозрений в области донаучного и вненаучного (художественно-образного) знания, для более адекватного и эффективного усвоения научных знаний. Изучение всех «плюсов» и «минусов» обыденного познания необходимо для выяснения актуального вопроса о том, в какой мере специализированное, научное познание должно считаться с установками и результатами обыденного познания. Это особенно важно для наук о человеке, в частности для психологии и социологии, где сегодня идет дискуссия по этим проблемам. Как подчеркивал В.А. Лекторский: «Одна из особенностей современного этапа в науке – выявление фундаментальной важности факта производства и потребления знания для понимания самых разнообразных явлений»¹, например, для понимания оснований культуры и науки, причин «живучести» заблуждений, а также во избежание злоупотребления знанием. Анализ сущности и особенностей обыденного познания поможет прояснить про-

блему происхождения и механизма конструирования (генерации) нового знания в структурах повседневности, раскрыть его влияние на формирование, функционирование, эффективность и нравственную составляющую научного знания, а также на творческий потенциал субъекта познания.

Еще И.Г. Шварц (1751–1784) в своих лекциях «О трех познаниях: любопытном, полезном и приятном» имел в виду, по существу, разновидности обыденного познания. Современные исследователи рассматривают обыденное знание в разнообразных аспектах: как «вне- и донаучное», «профанное» (Н.Н. Козлова, Л.А. Микешина), «жизненно-практическое» (Е.И. Кукушкина), «предпосылочное, неявное» (Б.Я. Пукшанский), «неявное, имплицитное, периферийное» (М. Полани и др.). Фундаментально исследовали проблемы повседневности И.Т. Касавин и С.П. Шевелев в своей книге «Анализ повседневности». Так, с точки зрения И.Т. Касавина, «повседневность как познание выражается в процессе когнитивной социализации, адаптации к условиям и вживания в архетипы»². Современная концепция конструктивного реализма (В.А. Лекторский и др.) рассматривает познание, включая обыденное, как «динамический процесс, в котором психика, тело познающего и окружающий мир – это лишь три аспекта некой единой деятельности»³. Таким образом, проблема обыденного познания носит многоплановый характер, однако не все ее аспекты методологически равноценны.

Согласно В.С. Степину, познание является «исторически развивающимся социокультурным феноменом», оно имеет «конструктивно-деятельностную природу»⁴. В своей работе «Специфика научного познания», опубликованной в 1983 г., В.С. Степин писал: «Объекты, на которые на-

правлено обыденное познание, формируются в повседневной практике. Приемы, посредством которых каждый такой объект выделяется и фиксируется в качестве предмета познания, вплетены в обыденный опыт. Совокупность таких приемов, как правило, не осознается субъектом в качестве метода познания»⁵. Говоря о неосознанности приемов (способов) обыденного познания, В.С. Степин не только сформулировал проблему, но и указал на возможные перспективы ее исследования, на необходимость выявления данных способов познания.

Обыденное, стихийно-эмпирическое познание «отражает только те объекты, которые в принципе могут быть преобразованы в наличных исторически сложившихся способах и видах практического действия»⁶. Обыденные знания «не систематизированы; это скорее конгломерат сведений, предписаний, рецептур деятельности и поведения, накопленных на протяжении исторического развития обыденного опыта. Их достоверность устанавливается благодаря непосредственному применению в наличных ситуациях производственной и повседневной практики»⁷. В.С. Степин рассматривает следующие принципы классификации научного и обыденного познания: по предмету, средствам, продукту, методам и субъекту деятельности.

Тем не менее в дальнейшей конкретизации нуждается само понятие обыденного познания. Как мы полагаем, в наиболее общей форме обыденное познание можно определить как постижение человеком жизни в ее полноте, целостности и развитии. В этом – основа его отличия от научного познания, которое имеет дело, по существу, с «препарированной» действительностью, в соответствии с тем или иным осознанным целеполаганием. Динамика обыденного познания, в отличие от научного, оказывается связанной с психосоматической, возрастной, биографической, деятельностной, социокультурной и экологической детерминацией жизни индивида. В этом смысле обыденное познание богаче научного, оно отражает всю полноту и многогранность жизни, ее «калейдоскоп», многообразные сочетания событий, людей, их действий и разнообразных «мелочей жизни», т. е. ее деталей, нюансов, пространственных и временных маркеров.

Можно сказать, что обыденное познание отражает образ жизни человека, типичные формы его жизнедеятельности в сфере труда, быта и досуга. Таким образом, обыденное познание – это постижение жизни в процессе самой жизни, проекция деятельности, физического и социокультурного окружения, а также различных ипостасей индивидуального Я. Обыденное познание есть активное извлечение информации о мире и жизни в процессе самой жизнедеятельности. А поскольку, по образному выражению И.В. Киреевского, «всякая жизнь практическая есть не

что иное, как внешняя оболочка скрытой философской системы»⁸, то ее познание и позволяет эксплицировать эти философские основания жизни и культуры.

В процессе применения тех или иных предметов и средств деятельности (в быту, на производстве и даже на отдыхе) человек «открывает» их свойства, функции, «полезность» или «вредность», а также свои возможности и способности. Такие «открытия» начинаются уже с игровой деятельности ребенка. Играя, ребенок учится не только элементарным способам (методам) мышления и деятельности, например «разборке» (анализу) и «сборке» (синтезу) своих игрушечных машин, но и нормам общения, поведения и даже этикета. Таким образом, уже игра является приемом обыденной познавательной деятельности, в которой игрушки, куклы, шахматы служат своего рода моделями реальных людей, ситуаций и процессов, развивают абстрактное мышление, способность к обобщениям, т. е. детская игра (например, «дочки-матери», домашний театр) – это способ моделирования (конструирования) тех или иных житейских ситуаций и общественных отношений. Кроме того, дети «первые познания приобретают путем подражания»⁹, основой которого является вера в авторитет учителя и в подлинность приобретаемых знаний. В этом смысле игра, вера и подражание – способы субъектного конструирования нового знания в обыденном познании. Получается, что анализ, синтез, моделирование и аналогия как приемы познавательной деятельности и способы конструирования реальности формируются уже в детстве, в процессе повседневной жизнедеятельности. Воспитание, обучение и «приучение» (образование привычки) – способы конструирования знания и умения в обыденном познании, а также инициативы, самостоятельности и креативности самого субъекта обыденного познания. Субъект обыденного познания «извлекает» знания о какой-либо деятельности в процессе самой деятельности, «например, строя дома, становятся зодчими, играя на кифаре – кифаристами»¹⁰, т. е. обыденное познание носит процессуально-деятельностный характер. Способом субъектного конструирования тех или иных способностей, новых реальностей и самого ребенка как субъекта обыденного познания является «книжное познание», которое развивает воображение, фантазию, абстрактное мышление и способность к творчеству. Так, например, читая «Слова» Ж.П. Сартра, мы видим подобные «следы» книжного познания.

Обыденное познание имеет четко выраженную временную доминанту. Уже этимология понятия заключает в себе вполне «прозрачный» смысл: обыденное познание – это постижение человеком его исторически, день ото дня меняющегося, преобразуемого им быта – бытия,

его интереса (*inter esse* – бытие между), т. е. экзистенции. Поэтому обыденное познание имеет конкретно-историческое, экзистенциальное содержание. Так, обыденное познание первобытного человека более естественно и непосредственно вплетено в его взаимодействие с миром, нежели у современного человека, деятельность которого опосредована множеством вещей и механизмов. В процессе своей деятельности, взаимодействуя с предметами природы, человек узнавал об их свойствах, открывал свои «возможности действия», а также нравы своих соплеменников, т. е. познание (восприятие) природы было переплетено с познанием себя (самовосприятием) и «другого», ибо «поведение одного существа открывает возможности для поведения другого»¹¹. Первоначальное познание мира было антропоморфным, человек наделял природные силы качествами человека и потому относился к ним с должным почтением, не желая «рассердить» их. Постепенно познание становилось опосредованным, «орудийным», знания превращались в «средство» существования, продления жизни рода, в «силу», преобразующую мир и человека. Итак, знания – это средство субъектного конструирования мира, его созидания или разрушения, а ответственность, социальная вменяемость и нравственные устои «человека познающего» определяют будущее человечества, становятся способами субъектного конструирования в обыденном и научном познании.

Обыденное познание – это «по-ведение», т. е. постижение знаний (ведений) в процессе действий (ведений). Такой же точки зрения придерживается и Энтони Гидденс: «Познание происходит как... постоянный поток поведения»¹². В процессе своей жизнедеятельности человек сам «конструирует» свое поведение, формирует, культивирует и отражает свой образ жизни. Как отмечал Л.С. Выготский, «поведение современного культурного человека является не только продуктом биологической эволюции, не только результатом развития в детском возрасте, но и продуктом развития исторического»¹³. Поэтому обыденное познание как «по-ведение», конструирование и реконструкция содержит в себе социальный опыт поколений.

Обыденное познание отражает наше «здесь», «теперь» и «так», пространственно-временные и ценностные координаты, богатство и определенность жизни, а также бытие человека как событие, как определенное состояние бытия. «Способом события, его мелодией» является язык (М. Хайдеггер). Обыденный язык – это способ «проявления» события, он есть инструмент обыденного, учебного и научного познания. Можно говорить об эвристическом воздействии языкового общения и языкового познания, «открывающих» новые горизонты познания. Слово

обладает мощной конструирующей силой. Меткое слово способно «попасть в цель» (раскрыть явление), «схватить» суть, изменить мир. Существуют также ключевые слова («ключевые знания»), способные раскрыть тайну человека или явления. Например, случайное слово из воровского жаргона может стать «ключевым» в раскрытии преступления. Порой «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» (Ф. Тютчев), какой «резонанс» оно будет иметь. Слово способно программировать чувства, мысли и действия человека, быть катализатором «текущих» и будущих событий. За метким словом следует пословица, которая имеет образно-динамическую, метафорическую природу, является «ходячим умом народа» (В.И. Даль), а затем иносказание (притча), нравоучение, поучение на примере. Пример, содержащий в себе образец для подражания, ведет к аналогии как приему познавательной деятельности (пример – образец – аналогия). Не только «дурной пример заразителен». Наглядный и поучительный пример гораздо эффективнее, чем длинные, абстрактные рассуждения. Таким образом, языковое общение, «языковое познание», «меткое слово», «ключевые знания», метафора, аналогия могут стать способами субъектного конструирования нового знания в обыденном познании.

В процессе обыденного познания происходит накопление сведений как способов фиксации конкретных ситуативных знаний, представляющих собой «фреймы» (И. Гофман), т. е. «процедурные знания» («знания – как»). Фреймы – своего рода элементы технологии обыденного познания, позволяющие транслировать накопленный опыт, знания и умения из поколения в поколение. Можно сказать, что обыденное познание – это «рецептурное познание», раскрывающее механизмы решения тех или иных проблем, позволяющее узнать, как выполнять конкретные повседневные действия: как замесить тесто, как выращивать саженцы, как воспитывать детей и т. д., оно является своего рода «школой жизни». Приготовление пищи, охота, рыбалка, сбор грибов и ягод, будучи способами повседневной трудовой деятельности, одновременно являются и способами обыденного познания. Например, авторские кулинарные рецепты можно рассматривать как способы субъектного конструирования в обыденном познании. Вообще авторские проекты, авторский дизайн, авторские приемы «ручной работы» (например, приемы мастеров Палеха, Гжели) – это способы субъектного конструирования креативного знания и опыта в обыденном познании. Некоторые авторские рецепты и приемы содержатся в строгом секрете, их окружает тайна, в которую посвящают лишь немногих избранных (например, тайна скрипок Страдивари).

Обыденное познание «схватывает» настоящее в его непосредственном проявлении, поэтому является действительно «живым» познанием. Обыденное познание основано на здравом смысле и рассудке, оно открывает человеку простые и понятные, живые истины, находящие непосредственное жизненное применение и способные быстрее «затронуть» сердце и ум человека, чем «сухой» язык фактов. Особенности обыденного познания являются «жизненаполненность», целостность, стихийно-эмпирический, «процессуально-деятельностный» характер, ассоциативность, конкретность, очевидность. Именно в очевидности – сила обыденного познания. «Очевидность – это свет, который идет от самого предмета, охватывает и наполняет нас... Стоит ей однажды появиться, как душа чувствует себя захваченной истиной... Это сам предмет светит нам тогда, “свидетельствует” о самом себе»¹⁴. Обыденное познание и есть это самосвидетельствование мира через человека.

Нередко в качестве недостатка обыденного познания указывают на его поверхностный характер. Но ведь поверхность – это «местоположение смысла»¹⁵. Тем самым недостаток превращается в достоинство. Эти человекообразные смыслы, которые нам кажутся известными, «знакомыми» и в силу этого являющиеся «непознанными» (Гегель), остаются только эксплицировать и идентифицировать. Таким образом, обыденное познание как «знакомое» и «знаковое» фактически содержит в себе информационные символы, которые предстоит расшифровать. Например, существует символика жестов, танцев, взглядов, любовных посланий и цветов, а также действий и поступков. Все, что с нами происходит (боль, болезни, страдания и потери), может быть знаком, который надо расшифровать, шансом что-то понять, а также возможностью «одуматься и сосредоточиться на самом жизненно-существенном» (И.А. Ильин). В этом смысле человек – ученик «школы возможностей» (С. Кьеркегор). Чему же «учат» человека возможности? Например, тому, что как бы ему не было плохо, могло бы быть еще хуже, т. е. жизненному оптимизму. Возможности «учат» человека и нравственному выбору, ведь существует множество возможностей поступить плохо и лишь одна – совершить нравственно достойный поступок. Позитивные творческие и нравственные возможности индивида составляют его потенциал. Умение же «читать знаки» – это способ субъектного конструирования новых смыслов и возможностей в обыденной жизни и познании. Познание нового – это тоже «знак» (знакомство), знаменующий «открытие» того или иного жизненного явления, а также возможность самореализации. Можно сказать, что есть язык вещей, язык событий и поступков, даже молчание и без-

действие могут быть красноречивыми. Обыденное познание коренится в структурах языка. Здесь есть свой логический круг: с помощью языка как «формы жизни» (Л. Витгенштейн) определяется он сам и другие «формы жизни» (образ жизни познающего субъекта и т. д.).

Обыденное познание происходит «путем проб и ошибок», с одной стороны, и через освоение опыта поколений, транслируемого в обычаях, традициях, правилах, стандартах и мировоззренческих универсалиях, – с другой. «Путь проб и ошибок» – один из основных, рутинных способов обыденного познания (метод естественной индукции). Мы учимся на своих и чужих ошибках, только у каждого свой «масштаб» ошибок и своя временная «дистанция» их осмысления, обретения жизненного опыта и ответственного отношения к своей судьбе и судьбам мира. В этом смысле и познание, и жизнь – это «ответственный поступок» (М.М. Бахтин). Обычаи, традиции, ритуалы, правила, стандарты, мировоззренческие универсалии – это способы фиксации и трансляции социального опыта, «социокода», они являются своего рода «надбиологическими программами» поведения и действия людей (метод социокультурной дедукции). Например, «Домострой» – это свод житейских правил и наставлений, защищающий принципы патриархального быта и семьи. В обыденном познании происходит освоение и усвоение «надбиологических программ» в процессе «социальных эстафет». «Социальная эстафета» – это способ трансляции повседневного опыта в процессе социализации субъекта обыденного познания (от отца к сыну, от учителя к ученику, от мастера к подмастерью). Обыденное познание – это познание обычаев, традиций через призму личного, жизненного опыта и собственных ценностно-целевых установок, диалектическое единство естественной индукции и социокультурной дедукции.

Обыденное познание «вплетено» в материальную, духовную, душевную и телесную деятельность человека, является ее необходимым элементом и следствием. Здесь тоже действует «эффект капли»¹⁶: с одной стороны, мы малыми дозами, «по капле» накапливаем знания о мире, пока одна из «капель» не станет «катализатором» внезапного «озарения»; с другой – и даже одна «капля» вызывает на «воде» круги, т. е. может оказать резонансное воздействие на человека и общество. Итак, есть «знания-катализаторы» и есть «резонансные знания», которые могут стать способами конструирования не только нового знания, но и творческого процесса в обыденном и научном познании. В качестве «знания-катализатора» может выступать «меткое слово», «живая мысль», яркий художественный образ (метафора), наглядный пример, профессионально поставленные вопросы и проблемы. «Отклики», «отзывы», «переключки» – своеобразное

«эхо» наших слов и поступков. Видом «резонансного знания» и одним из способов субъективного конструирования в обыденном познании является озарение. Оно – результат своего рода «интерференции» сознательной работы мозга над проблемой и продолжения этой работы на подсознательном или даже бессознательном уровне.

Таким образом, обыденное познание – это постижение жизни в ее полноте, целостности и текучести. Динамика обыденного познания связана с психосоматической, возрастной, биографической, деятельностной, социокультурной и экологической детерминацией жизни индивида. Обыденное познание раскрывает процесс зарождения и «движения» знания, выступает в роли «контекста», «фона», условия и предпосылки научного познания, содержит в себе эвристический потенциал «ключевых знаний», «знаний-катализаторов», «резонансных знаний», стимулирующих развитие научного познания.

¹ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 6.

² Касавин И.Т. Заключение // Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004. С. 414.

³ Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М., 2009. С. 33.

⁴ См.: Степин В.С. Конструктивизм и проблема научных онтологий // Там же. С. 41.

⁵ Степин В.С. Специфика научного познания. Мн., 1983. С. 10.

⁶ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2003. С. 46.

⁷ Там же. С. 47.

⁸ Иван и Петр Киреевские в русской культуре. Калуга, 2001. С. 277.

⁹ Аристотель. Поэтика // Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 648.

¹⁰ Аристотель. Никомахова этика // Там же. С. 78.

¹¹ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988. С. 200.

¹² Гидденс Э. Элементы теории структуриации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 42.

¹³ Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993. С. 67.

¹⁴ Ильин И.А. Возвращение. Мн., 2008. С. 332–333.

¹⁵ См.: Делез Ж. Логика смысла. М., 1998. С. 146.

¹⁶ См.: Дождикова Р.Н. Актуальные проблемы современной техногенной цивилизации // Вестн. БДУ. Сер. 3. 2007. № 1. С. 66.

Поступила в редакцию 05.03.10.

Раиса Нуриевна Дождикова – кандидат философских наук, доцент кафедры философских учений БНТУ.